

ПЕРСОНАЛИИ

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.489-502

ВЕЛИКИЙ ПЕДАГОГ И ВЕЛИКИЙ ПСИХОЛОГ К. Д. УШИНСКИЙ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Алексей Алексеевич Романов¹, Ирина Сергеевна Ганишина²

^{1,2} Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,

¹ a.romanov@365.rsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0066-6860>

² irinaganishina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>

Аннотация. Статья подготовлена в рамках научных мероприятий Года педагога и наставника и посвящена 200-летию со дня рождения великого подвижника отечественного образования К. Д. Ушинского. При анализе его творческого наследия использованы аксиологический, антропологический, герменевтический методологические подходы, ретроспективный и конструктивно-генетический методы историко-педагогического исследования. Основными источниками для научного поиска стали педагогические сочинения К. Д. Ушинского, работы известных педагогов, психологов, историков педагогики и психологии, чей научный интерес связан с изучением идей и опыта классика отечественной педагогики. Основной целью статьи явилось определение тех содержательных аспектов научных трудов К. Д. Ушинского, концептуальных идей, выводов, которые позволили бы характеризовать его не только в качестве великого педагога, но и великого психолога.

Ключевые слова: К. Д. Ушинский, великий педагог, великий психолог, педагогическая антропология, педагогическая психология, практическая психология

Для цитирования

Романов А. А., Ганишина И. С. Великий педагог и великий психолог К. Д. Ушинский (к 200-летию со дня рождения) // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 3. С. 489–502. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.489-502.

PERSONALIA

Original article

THE GREAT TEACHER AND THE GREAT PSYCHOLOGIST K. D. USHINSKY (TO THE 200TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

Aleksej Alekseevich Romanov¹, Irina Sergeevna Ganishina²

^{1,2} Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

¹ a.romanov@365.rsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0066-6860>

² irinaganishina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>

Abstract. The article was prepared as part of the scientific events of the Year of the Teacher and Mentor and is dedicated to the 200th anniversary of the birth of the great ascetic of national education K. D. Ushinsky. Axiological, anthropological, hermeneutic methodological approaches, retrospective and constructive-genetic methods of historical and pedagogical research were used in the analysis of his creative heritage. The main sources for scientific research were the pedagogical writings of K. D. Ushinsky, the works of famous teachers, psychologists, historians of pedagogy and psychology, whose scientific interest is connected with the study of the ideas and experience of the classic of Russian pedagogy. The main purpose of the article was to identify those substantive aspects of K. D. Ushinsky's scientific works, conceptual ideas, conclusions that would characterize him not only as a great teacher, but also as a great psychologist.

Keywords: K. D. Ushinsky, great teacher, great psychologist, pedagogical anthropology, pedagogical psychology, practical psychology

For citation

Romanov, A. A. & Ganishina, I. S. 2023, 'The great teacher and the great psychologist K. D. Ushinsky (to the 200th anniversary of his birth)', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 489–502, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.489-502.

Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях,
то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях.

К. Д. Ушинский

2023 г. в России был объявлен Годом педагога и наставника в знак высочайшей общественной значимости профессии учителя и к 200-летию со дня рождения К. Д. Ушинского. На протяжении всего года по всей стране проходили съезды учителей, научные конгрессы, форумы, конференции, тематические фестивали, конкурсы, олимпиады разного уровня. Академия ФСИН России провела в Рязани научно-методическую конференцию «Роль педагогической компетентности преподавателя в подготовке кадров для уголовно-исполнительной системы», пленарное заседание которой открылось докладом «К. Д. Ушинский как основоположник педагогической антропологии» (6 апреля 2023 г.).

Значимость наследия К. Д. Ушинского в истории России определяется тем, что именно с его именем и деятельностью ассоциируется становление отечественной педаго-

гики в качестве самостоятельной науки. Он, по словам выдающегося современного реформатора образования Э. Д. Днепров, «создал классические педагогические труды, непревзойденные в русской педагогике учебные книги, явился инициатором педагогической журналистики в России, первым русским педагогом-теоретиком, педагогом-публицистом. После него составила богатейшая педагогическая литература». И далее: К. Д. Ушинский «был педагогом энциклопедического склада, он олицетворял многогранность самой педагогики. Его отличали глубокое проникновение в существо педагогических явлений и процессов, стремительность и смелость мысли, масштабность теоретических обобщений и прозрачная ясность изложения сложнейших проблем, изложения, по изяществу стиля и афористичности языка не уступающего художественной прозе» [12, с. 274–275]. Он отразил господствующие потребности своего времени, характеризующиеся бурным развитием наук, среди которых значимое место должна была занять педагогика. Именно поэтому в XX веке его назовут не только классиком педагогики, но и великим педагогом [5, 9], а также великим психологом [1].

К. Д. Ушинскому удалось на основе анализа идей и опыта предшественников создать свою уникальную педагогическую теорию, отразившую духовный мир и общенациональные идеалы, ставшую частью отечественной национальной культуры. Он поставил задачу объединения педагогики с другими областями знания, решение которой состоялось в фундаментальной работе «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», главном труде его жизни. Говоря словами Э. Д. Днепров, «крупнейший педагог-теоретик, педагог-философ, К. Д. Ушинский впервые объединил в педагогике усилия и достижения различных наук, осуществил поразительный по объему педагогический синтез научных знаний о человеке. Этот синтез кардинально менял традиционный взгляд на задачи и содержание педагогики, раскрывал коренную особенность функционирования педагогического знания – зависимость прогресса педагогики от глубины постижения ею закономерностей развития человека. Ушинский показал, сколь плодотворно их познание для науки и практики воспитания, для обогащения арсенала воспитательных средств. Труды Ушинского открывали новые горизонты развития педагогики, новые пути, по которым пошла педагогическая наука» [12, с. 275].

Исследователи наследия К. Д. Ушинского выделяют два основных направления в его деятельности: радикальное преобразование русской школы и разработка теоретических основ педагогики. Он фактически стал создателем народной школы, основоположником и крупнейшим теоретиком педагогического, профессионально-технического и женского образования в России. При этом оба указанных процесса происходили параллельно и были тесно интегрированы друг с другом.

В отечественной литературе К. Д. Ушинский был первым, кто масштабно поставил задачу построения новой народной школы в качестве необходимого условия общественного развития после отмены крепостного права. Такая задача, по его мнению, становилась «самым государственным вопросом», приобретала характер эпохального значения [7, с. 96–97]. Он видел растущую в народе потребность в образовании, был убежден в востребованности такой школы, в конечном успехе ее создания. При этом глубокие и перспективные идеи педагога далеко обгоняли свое время. Такой, например, была идея единой школы, когда выстраивается преемственная система образования от начальной и до высшей школы. Здесь фактически сливались, «сплавлялись» воедино две фундаментальные социально-педагогические и собственно педагогические задачи эпохи: задача закладки теоретического фундамента возникающей народной шко-

лы и задача создания первоначального, подготовительного или, как говорил педагог, «приуготовительного» курса для средних учебных заведений. До него в России никто так отчетливо, широко и полно не ставил вопрос о целях и задачах первоначального образования. Равно как никто не смог раскрыть суть этого образования, его философско-теоретические и научно-методические основания, его содержательный состав, организационно-педагогические условия его практической реализации. Все это и сделало Ушинского родоначальником не только русской народной школы, но также теории и практики первоначального образования в России» [7, с. 97–98].

Позиция К. Д. Ушинского о цели первоначального обучения важна не только для педагогов, но и для психологов. Развивая идеи И. Г. Песталоцци о такой цели (великом открытии Песталоцци), он суть этой идеи изложил следующими словами: «Цель народной школы состоит не в том, чтобы внести в головы детей известное количество определенных знаний, которые они потом позабудут, и сообщить им технический навык чтения и письма, которым они не воспользуются, но в том, чтобы школьным занятием развить способности детей, естественным путем раскрыть в них разумный взгляд на окружающую их природу и общественные отношения и сделать их способными к самостоятельной разумной жизни и деятельности» [7, с. 99–100]. К. Д. Ушинский говорил о душе ребенка и ее развитии в процессе деятельности детей, о неразрывном единстве деятельности и развития.

Можно утверждать, что К. Д. Ушинский, выстраивая собственную философию образования и педагогическую теорию, одновременно закладывал и основы для выделения психологии в самостоятельную науку, хотя многие десятилетия этот факт практически не обсуждался. Упор делался на утверждении, что великий педагог положил начало разработке такой комплексной науки, как педагогическая антропология, призванной к изучению человека в единстве его физического, умственного и нравственного развития, его природы и общественных свойств. Фундаментальный труд К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» стал первым и единственным в мировой науке того времени опытом комплексной постановки и решения проблемы изучения человека в его целостности и во всем многообразии его феноменов. В подтверждение приведем слова педагогического классика двадцатого века П. П. Блонского: «Ушинский не только стоял на уровне европейской науки, он шел в первых рядах ее... он стоял на самых крайних высотах ее, лицом обращенный на правильный путь грядущей педагогики» [8, с. 186]. Педагогическая антропология в качестве синтеза данных антропологических наук, как изучение «человеческой природы в ее вечных основах», главная основа педагогики [8, с. 199], должна была составить фундамент научного педагогического знания.

К обширному кругу антропологических наук К. Д. Ушинский относил анатомию, физиологию и патологию человека, психологию, логику, филологию, географию, изучающую землю как жилище человека и человека как жильца земного шара. Сюда же он включил статистику, политическую экономию и историю в широком смысле, куда относятся история религии, цивилизации, философских систем, литературы, искусств и, собственно воспитания в узком смысле этого слова. Во всех этих науках «излагаются, сличаются и группируются факты и те соотношения фактов, в которых обнаруживаются свойства предмета воспитания, т. е. человека» [19, с. 14]. Без знания этих наук нельзя обойтись при изучении педагогики как собрания правил педагогической деятельности. Отстаивая свою позицию в спорах с оппонентами, К. Д. Ушинский и вывел ставшую знаменитой формулу: «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» [19, с. 15].

К. Д. Ушинскому пришлось доказывать необходимость создания специальных факультетов для будущих педагогов: «А почему же и не быть педагогическому факультету? Если в университетах существуют факультеты медицинские и даже камеральные и нет педагогических, то это показывает только, что человек до сих пор более дорожит здоровьем своего тела и своего кармана, чем своим нравственным здоровьем, и более заботится о богатстве будущих поколений, чем о хорошем их воспитании. Общественное воспитание совсем не такое малое дело, чтобы не заслуживало особого факультета... Практическое значение такого педагогического или вообще антропологического факультета было бы велико. Педагогов численно нужно не менее, а даже еще более, чем медиков, и если медикам мы вверяем наше здоровье, то воспитателям вверяем нравственность и ум детей наших, вверяем их душу, а вместе с тем и будущность нашего отечества» [20, с. 15].

К. Д. Ушинский успел написать два объемных тома своего труда «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Первый том (1867 г.) открывала физиологическая часть, характеризующая телесную природу человека, ее функционирование на основе детального анализа нервной системы. Далее объяснялся переход от физиологии к психологии, изложение понимания человеческого сознания, через понятия «внимание», «ощущения», «ассоциации», «память», «воображение», «рассудочный процесс» и др. Во втором томе (1869 г.) психологическая часть была представлена разделами о чувствах (чувствованиях) и воле. Выбор определялся тем, что, по убеждению автора, «явления чувствования и воли, как известно всякому, кто знаком с психологической литературой, разработаны гораздо менее, чем явления сознания. Неопределенность, неясность, шаткость наблюдений, противоречия в мнениях составляют отличительную черту этих глав во всех психологических курсах» [20, с. 8]. По объему психологическая часть занимает более восьмидесяти процентов текста этих томов (это к вопросу о том, являлся ли психологом великий педагог).

В планах К. Д. Ушинского были анализ и описание духовных особенностей, составляющих отличительные черты психической жизни человека. В третьем томе педагог планировал поместить окончание «Антропологии» и соответствующие педагогические приложения, представляющие собой «сжатый учебник педагогики, но такой учебник, которого никак нельзя было бы заучивать. Этого в особенности я хочу потому, что считаю заучивание всяких педагогических учебников не только бесполезною, но даже вредною тратой времени. Если воспитатель хорошо познакомится с законами человеческой природы, насколько они нам известны, то для него достаточно здравого рассудка, чтобы оценить ту или другую педагогическую меру, тот или другой педагогический прием, а этих мер и приемов бесчисленное множество, ибо каждый данный действительный случай непременно видоизменяет всякий прием и всякую меру» [20, с. 10]. Скоропостижная кончина не позволила осуществиться этим планам. Материалы к третьему тому удалось собрать, систематизировать и спустя много лет издать в 1908 г. известному педагогу А. Н. Острогорскому.

С выходом «Педагогической антропологии», говоря словами академика Э. Д. Днепров, «мировая наука обретала первое целостное, капитальное исследование физической и душевной природы человека, закономерностей его развития; мировая педагогика – первый опыт комплексного изучения «человека как предмета воспитания». Этот опыт был наиболее крупным продвижением в решении главной задачи для педагогики той эпохи – в разработке научных оснований педагогического знания, формировании педагогики как науки. Вместе с тем с появлением «Педагогической антропологии» пе-

дагогическая теория и практика обретали и принципиально новый взгляд на сущность и задачи самой педагогической деятельности – концепцию развивающей деятельности «педагогической» [8, с. 212–213].

В теоретических построениях К. Д. Ушинского ключевыми и неразрывными становятся понятия деятельности и развития. Мысль о развитии как главной задаче воспитания прослеживается во всех его работах. Развитие понимается как цель и результат деятельности, деятельность – как фундамент и основной фактор развития, то есть он обосновывал принципы развития и деятельности задолго до появления деятельностного подхода в педагогике и психологии XX века [8, с. 213].

«Педагогическая антропология» к 1916 г. была переиздана тринадцать раз, при этом ее влияние на отечественную педагогику не было всеобъемлющим. Современники в своей массе не смогли по достоинству оценить все богатство идей этого труда, что, в свою очередь, не создавало условий для масштабного продолжения дела К. Д. Ушинского. Однако по двум направлениям продвижение все-таки было заметным: «по линии возрастной физиологии – преимущественно в трудах П. Ф. Лесгафта и по линии педагогической психологии (выделено авторами) – преимущественно в работах П. Ф. Каптерева. Только в конце XIX – начале XX столетий с приходом «золотого века» педологии – изучения ребенка, эти линии стали сближаться» [8, с. 219; 18], хотя кардинального изменения ситуации так и не произошло.

В профильной литературе по педагогике и психологии имелись частные работы, затрагивающие в той или иной степени проблематику педагогической антропологии. Тем не менее «серьезные, фундаментальные попытки комплексного ее рассмотрения предпринимались лишь дважды – в трудах Б. Г. Ананьева и Б. М. Бим-Бада» [8, с. 221]. Объяснение кроется в понимании того, что, во-первых, лишь в последние годы приходит настоящее понимание всей значимости и масштабности «Педагогической антропологии» К. Д. Ушинского. Во-вторых, автор «ставил и решал в этом фундаментальнейшем труде столь грандиозную научно-педагогическую задачу, что она оказалась не по плечу не только его современникам, но и педагогике XX столетия – ни отдельным ученым-педагогам, ни различным академическим педагогическим сообществам, включая советскую Академию педагогических наук и нынешнюю Российскую академию образования» [8, с. 221].

В истории отечественной педагогики, по словам Э. Д. Днепров, «Ушинский остался – как великий русский педагог, как предтеча новой демократической гуманистической школы, как наш современник. Может быть, только сейчас, когда ушли в прошлое разные модификации навязываемого всем единомыслия, когда мы медленно, трудно, но все же входим в полосу социальной, умственной и духовной зрелости, наступает время Ушинского. Наступает пора настоящего или по крайней мере нового его прочтения» [8, с. 225].

Такую попытку нового прочтения К. Д. Ушинского предпринял ярославский психолог В. А. Мазилов, считающий великого педагога создателем парадигмы практической психологии [10], которая и в наши дни только формируется. По его мнению, К. Д. Ушинский принадлежит не только педагогике, но и миру психологии, хотя его вклад в эту науку обычно не уточняется. Известный автор популярного учебника по истории психологии А. Н. Ждан отметила, что в труде К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания» происходит органичное соединение педагогики с психологией, что эта книга стала предтечей отечественной детской и педагогической психологии. Однако здесь нет посылы к признанию великого педагога и великим психологом. В двухтомной «Истории и теории психологии» А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского К. Д. Ушинский лишь упоминается.

В книге «История психологии» Т. Д. Марцинковской и А. В. Юревича он вообще не упоминается [10, с. 51].

Вопрос не о недоработке авторов, а, скорее, о целевых установках их трудов, идеологической оправданности преобладания материала о достижениях психологов советского периода, об упоминаниях конкретными учеными устоявшихся стереотипов. Однако и простые упоминания могут раскрыть подоплеку в выстраивании авторами иерархии авторитетов в науке. Так, академик А. В. Петровский, анализируя развитие разных течений в психологии накануне и после революции 1917 г., оппонируя сторонникам эмпирического направления, просто упоминает имя К. Д. Ушинского, характеризуя позиции Г. И. Челпанова и А. П. Нечаева. Говоря его словами, «отличную от Челпанова позицию занимал другой известный представитель эмпирической психологии – Нечаев, являвшийся руководителем петербургской лаборатории экспериментальной психологии, одним из основных организаторов съездов по педагогической психологии и экспериментальной педагогике, видным исследователем проблем памяти и ассоциации. Ученик Введенского, он по философским воззрениям был близок к неокантианству и позитивизму. В качестве своих предшественников в психологии он называет В. Прейера и в особенности С. Холла, а также К. Д. Ушинского и Н. И. Пирогова, которые требовали основывать педагогику на изучении психического мира воспитанников, на глубоком знании... Основная линия его психологических построений – отказ выходить за пределы «точных фактов», эмпиризм» [13, с. 42–43]. Но именно о значении фактов говорил К. Д. Ушинский: «Об одном только я прошу читателя: я прошу его помнить, что психический факт, который он сознает совершающимся в самом себе, точно такой же несомненный факт, как и факт какой бы то ни было точной науки. Замечая в себе такой факт, всякий из нас может быть уверен, что он одинаково повторяется в миллионах подобных нам существ и что потому он и может быть изучаем и достоин самого внимательного изучения» [20, с. 10].

В 1923 г. К. Н. Корнилов был назначен директором Московского психологического института вместо Г. И. Челпанова, создавшего этот институт и возглавивший его в 1912 г. Смена руководства означала следующее: «Начиная с 1923 г. советская психология, освободившись от влияния челпановского эмпиризма и усваивая диалектико-материалистическую методологию, сознательно ставит перед собой задачу построения марксистской психологии. Важнейший итог теоретической борьбы Корнилова, поддержанного его сотрудниками против воинствующего эмпиризма и скрытого идеализма Челпанова, Нечаева, Португалова и других защитников консервативной позиции, стремившихся сохранить status quo в психологии, – повсеместное признание необходимости марксистского обоснования психологии» [13, с. 93]. Представителям старой психологической гвардии трудно было понять законы новой жизни и аргументации, согласно которой ученый-психолог должен был ответить на вопрос, марксист ли он [17, с. 105]. Добавим, что в 2002 г. на международной научной конференции, которую организовал и провел академик Б. М. Бим-Бад, А. В. Петровский, «называя выдающихся деятелей отечественной психологии, на первое место поставил имя А. П. Нечаева. И это было символическим признанием, достойным настоящего ученого» [17, с. 127]. Институт психологии, построенный Г. И. Челпановым, работает и сегодня. Стоит и памятник К. Д. Ушинскому, за разрешением на создание которого А. П. Нечаев лично ходил к выдающемуся реформатору и государственному деятелю П. А. Столыпину.

Вернемся к именам Б. Г. Ананьева и Б. М. Бим-Бада, много сделавшим для актуализации идей К. Д. Ушинского в реалиях XX в., а также к уже упомянутой статье

В. А. Мазилова. Автор этой статьи обращает внимание на то, что в 1945 г. Б. Г. Ананьев выступил со статьей в журнале «Советская педагогика» с судьбоносным заглавием «К. Д. Ушинский – великий русский психолог». Содержание соответствовало названию. Приведем в подтверждение отдельные выдержки из статьи: «Развивая гуманистические и демократические традиции русской передовой философской и научной мысли, К. Д. Ушинский создал новые пути в развитии научной психологии»; «Велика роль К. Д. Ушинского, как зачинателя русской педагогической психологии»; «Обозревая всю картину развития русской психологии в XIX столетии, можно утверждать с полным основанием, что К. Д. Ушинский был великим психологом именно потому, что он был великим педагогом и, в свою очередь, его величие в педагогике в значительной мере связано с его капитальным вкладом в развитие русской научной психологии» [10, с. 51]. В современной психологии В. А. Мазилев отметил две тенденции, проявляющиеся, с одной стороны, в недооценке работ К. Д. Ушинского в области психологии, с другой – в признании его заслуг, касающихся лишь детской и педагогической психологии. По его мнению, «наш долг восстановить историческую справедливость, вернуть Ушинского в число основателей психологической науки. Повторим, Константин Дмитриевич Ушинский – создатель первой в истории мировой психологии, практико-ориентированной психологии... К. Д. Ушинский – великий психолог мирового уровня» [10, с. 55].

Великие ученые не уходят в прошлое бесследно, они, как правило, опережали время, в почве прошлого взращивали ростки будущего, поэтому их наследие всегда способно дать нужные советы подрастающим поколениям. Вдумчивые исследователи помогают раскрыть непонятые в свое время послания титанов мысли из прошлого. Так в современной ситуации развития образования происходит и с наследием К. Д. Ушинского, долгое время ассоциируемым со сферой педагогики. Сегодня приходит понимание необходимости учиться у него не только педагогам, но и психологам, воздавая должное великому педагогу и великому психологу.

Интересен опыт использования идей и опыта К. Д. Ушинского в современной системе педагогического образования при подготовке будущих учителей. В качестве примера изучения профессионально-педагогических ценностных ориентаций российского учительства как уникального по духовной глубине и эмоциональной насыщенности явления приведем выдержки из статьи известного педагога Н. А. Асташовой (Брянск) [2]. По ее мнению, при анализе ценностных ориентаций российского образования необходимо использовать «любое стремление, любое начинание, любую возможность актуального прочтения педагогического наследия классиков отечественной педагогики, ибо это наследие обладает универсальным духовным потенциалом, который может и должен служить источником разработки и внедрения системы образования, гарантирующей развитие у молодежи восприимчивости к неревизуемым духовно-нравственным ценностям, разборчивости в отношении к ценностям новообразования, порождаемым современной ситуацией» [2, с. 108].

Творчество К. Д. Ушинского Н. А. Асташова анализирует как «уникальный пласт культуры, как способ целостного самовыражения личности», где актуализированы глубинные смыслы, ярко выражены установки, ценностные ориентации, потребности педагогической направленности [2, с. 108]. Ценностными доминантами его наследия на социально-культурном уровне называются такие аксиологические ориентации как любовь к родине, народность, чувство современности. Профессионально-педагогический уровень включает ценности «знание», «убежденность», «психологический такт». На личностном

уровне особо выделяются «нравственность», «доброта», «справедливость», «красота». Исповедуя на практике эти начала, отечественная педагогика сегодня «обязана сделать все возможное для возрождения и распространения ценностей, обеспечивающих нашему народу подлинную духовность» [2, с. 109].

Выделим утверждение автора об актуальности этих ценностей в особенности для учителя, так как «история свидетельствует, что только педагог, обладающий чувством национального достоинства, открыто выражающий гражданскую и патриотическую позицию, действительно оправдывает доверие народа непрерывным воспроизводством его самобытного духовного мира и сохранением исторической памяти. Сегодня в сложной политической обстановке об этом особенно важно помнить и жизненно необходимо практически выполнять завет К. Д. Ушинского: в русской школе должны работать русские учителя! Русские не по национальному происхождению, а по духу, по жертвенной готовности не за страх, а за совесть учить своих учеников любить и ценить свой народ, помогать ему в преодолении всяких бедствий и, если возникнет необходимость, защищать» [2, с. 110].

Главными ценностными ориентациями в деятельности учителя великий педагог называл «воспитание у учеников любви к Родине, к своему народу и его историческому прошлому, формирование их духовности на лучших традициях народной культуры, средствами родного языка, народного творчества, отечественной истории и географии. Патриотические чувства, по мнению К. Д. Ушинского, – это самые сильные чувства в человеке, «общественный цемент», который «связывает людей в честное, дружное общество». «Как нет человека без самолюбия, – писал он, – так нет человека без любви к отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека...» [2, с. 111].

Терминальными ценностями у К. Д. Ушинского выступают любовь как первопричина становления Учителя, долг и душа. В группу инструментальных ценностей включено «не только то, что напрямую связано с «пользой педагогической литературы», то есть владение теорией, наличие опыта, но и личностные образования нравственного плана: природное благородство, добродетельность, убежденность, энергичность и др.» [2, с. 114]. Названные ценностные ориентации учителя являются своего рода «генетическим основанием стратегических задач развития современного образования. Осмысление богатейшего наследия классика отечественной педагогики позволяет сделать вывод о гуманистической направленности его отношенческой сферы» [2, с. 116].

Обратим также внимание на значимость нового прочтения произведений великого педагога и психолога не только для профессиональных педагогов и психологов, но и в контексте модернизации российского образования в целом.

В этом плане один из авторитетных исследователей творческого наследия К. Д. Ушинского В. М. Меньшиков (г. Курск) представил собственное видение проблемы: «Оценивая педагогические системы классиков мировой педагогики с точки зрения инновационного потенциала, нельзя не видеть, что педагогическое наследие великого русского ученого К. Д. Ушинского занимает в этом ряду особое место: пожалуй, ни одна другая педагогическая система не несет в себе такого бесконечного множества истин и смыслов, которые есть в его системе. Многие его идеи настолько велики и всеобъемлющи, настолько значительны, что при их развертывании смогут стать самостоятельными педагогическими системами. Этот феномен можно объяснить уникальностью самого педагогического творчества К. Д. Ушинского. В отличие от других педагогических систем с их строгой линейной однозначностью и определенностью, учение К. Д. Ушинского многозначимо и

многогранно, оно наполнено значениями, которые в каждое новое время приобретают новые смыслы и новое содержание» [11, с. 97].

Безграничность наследия К. Д. Ушинского объясняется сочетанием нескольких, как минимум, трех факторов: он был, во-первых, не просто энциклопедически образован, профессионально подготовлен, но был необыкновенно талантлив. Во-вторых, период его жизни совпал со временем великих социальных реформ в России, требующих прорывных решений. Именно поэтому инновационность была органично заложена в творчество К. Д. Ушинского. «А поскольку мы живем во времена все ускоряющихся инноваций, то растет и востребованность педагогического наследия Ушинского с его исключительно творческим потенциалом.

В-третьих, К. Д. Ушинский жил в эпоху русского Просвещения, которое получило название «золотого века» русской культуры, – эпоху, которая явила себя великой русской классической культурой от литературы до философии и, прежде всего, русской религиозной философии, которая стала не просто великим явлением русской культуры, а величайшим шедевром мировой культуры, ее вершиной. Русская культура давала ответы на те вопросы, которые ставило человечество в те времена. Творчество К. Д. Ушинского как раз и живет в этом общем пространстве русской культуры – вершины мировой культуры. И Ушинский как удивительно одаренный человек, живший в этой культуре, дает ответы, которые ставила не только Россия, но и все человечество. И он дает ответы на вопросы не только педагогические, но и социальные, экономические и даже политические. Сегодня поражаешься тому, насколько его ответы были современны. И насколько они, увы, оказались в силу разных обстоятельств не понятыми не только на Западе, но и, что самое обидное, в нашей стране. Кстати, непонимание Ушинского не только при его жизни, но и после – характерная черта русской науки, и об этом правильно говорил П. П. Блонский. Так что мы по-прежнему стоим перед задачей освоения К. Д. Ушинского. И прочтения Ушинского. И поэтому мы обречены, как и в искусстве, на открытие своего Ушинского, подобно тому, как каждый из нас открывает своего Пушкина и Достоевского» [11, с. 98].

Автор статьи считает, что самой важной педагогической проблемой творчества К. Д. Ушинского, значимой и для него, и для нашего времени, является «проблема духовно-нравственного воспитания. Он дает ответы, которые важны не только для его времени, но и для нашего. При этом без понимания этого аспекта его педагогического наследия для нас будет принципиально закрыта его педагогика даже там, где она активно используется» [11, с. 99]. Заканчивается статья В. М. Меньшикова словами: «Вновь и вновь осмысливая фундаментальные проблемы современного образования, пытаюсь их решить, мы должны услышать ответы, уже найденные нашими великими предшественниками» [11, с. 102].

Наиболее плодотворно над развитием идей К. Д. Ушинского по созданию антропологического базиса педагогики работал академик РАО Б. М. Бим-Бад. Его книга «Педагогическая антропология» [4] закрепила за ним право на пионерство и лидерство в разработке педагогического человековедения в отечественной науке конца XX в. Это был «совершенно новый тип учебного пособия, уникальность которого определялась не только актуальностью, но, главным образом, содержательной наполненностью. Автор представил читателям самоучитель исторически накопленным человечеством педагогической мудрости. Борис Михайлович, виртуозно владеющий умением составлять и сочинять художественные тексты, сумел оформить в учебном материале и педагогически интерпретировать мысли великих деятелей культуры. Он смог в опыте последних трех

тысячелетий выбрать злободневные для сегодняшнего дня идеи, прекрасно показав, как пространство-время может быть использовано для полета пытливого мысли и поиска вариантов ответа на современные вызовы. В 2002 г. Б. М. Бим-Бад издает лекции по педагогической антропологии, где акцентирует внимание читателей и побуждает их к решению прикладных аспектов науки и профессиональных проблем педагогов и психологов» [3; 14, с. 50; 17, с. 286].

Отдадим также должное Э. Д. Днепрову, автору трудов, на которые мы ссылались в этой статье, известному ученому и общественному деятелю, выдающемуся реформатору образовательной политики в России рубежа XX–XXI столетий. В завершение своей книги «Ушинский и современность» он написал: «Может быть, только сейчас, когда ушли в прошлое разные модификации навязываемого всем единомыслия, когда мы медленно, трудно, но все же входим в полосу социальной, умственной и духовной зрелости, наступает время Ушинского. Наступает пора настоящего, или по крайней мере нового, его прочтения. Одна из главных задач данной книги и состояла в том, чтобы помочь такому прочтению Ушинского.

Автор считал реализацию этой задачи своим внутренним – гражданским и научным – долгом, ибо прошел с героем книги почти всю свою научную и гражданскую жизнь. Идеи Ушинского были осознанно выбраны автором как ориентир научно-педагогической и общественно-образовательной деятельности в сфере образовательной политики. Личность Ушинского стала эталоном Нравственности, Чести, социального и научного Долга ученого.

Таков закон жизни. Гиганты всегда оставляют после себя простых смертных «одной крови» с ними. Таких людей после Ушинского во все времена было немало среди российских педагогов. На их плечах стояла и стоит наша школа. Их усилиями двигалось и движется вперед отечественное образование» [8, с. 225].

От себя добавим, Э. Д. Днепров воплотил в жизнь в перестроечный период 1980-х годов идею К. Д. Ушинского о необходимости общественного обсуждения назревших в образовании проблем, он создал и возглавил Временный научно-исследовательский коллектив (ВНИК) «Школа», разработавший концепцию общего среднего образования, которая была принята на Всесоюзном съезде работников народного образования (1988 г.). А вскоре стал первым избранным министром народного образования Российской Федерации (1990 г.). Приведем в качестве заключения небольшую выдержку из статьи о Э. Д. Днепрове, характеризующую значение этого человека для России.

«Писать об известных людях, выдающихся ученых, деятелях науки и образования трудно, но необходимо. Важно не только отдать дань памяти знаменитостям и выдающимся подвижникам, ушедшим в вечность, но, главным образом, донести свой взгляд уже другим поколениям, живущим в изменившемся мире, с иными взглядами на жизнь и меняющимися жизненными ценностями. Без этого мы и сами не можем обойтись, так как, сверяя свои дела с достижениями предшественников, возможно считая их великими, видим лучше самих себя, обнажаем новые грани профессионального дискурса, позволяющие подняться на другой уровень осмысления педагогических феноменов. Поэтому исследователи, в первую очередь, должны видеть в историческом наследии вечные идеи и ценности, к пониманию которых педагогические герои пытались вести подрастающие поколения.

Об Эдуарде Дмитриевиче Днепрове говорить и писать можно долго, он действительно много сделал, но даже если мы будем пользоваться только превосходной сте-

пенью: Ученый, Историк, Педагог, Гражданин, Патриот – это все равно не будет вести к исчерпывающей характеристике. Для него нужно искать особые слова, он не простой деятель образования, он выдающийся, он первый из выдающихся, даже недруги с самым высоким уровнем притязаний признавали его лучшим. Говоря о таком человеке, из глубин сознания возникают образы и ассоциации, близкие понятиям, связанным с вечностью и произносимые могуче и торжественно: Глыба, Титан, Могикинин... Мне хочется сказать еще и Великий Реформатор. Историки склонны преувеличивать подвиги любимцев своего пера, меня, наверное, тоже могут в этом упрекнуть. Однако мне хочется иметь право на свои слова, и пусть фрагментарно, но показать масштаб деятельности Э. Д. Днепровы сквозь призму авторского опыта общения с ним.

Многим, вероятно, трудно будет со мной согласиться по каким-то вопросам, не хочу никого убеждать, но подискутировать готов. В союзники возьму признанного авторитета, организатора и первого президента Российской академии образования (РАО) академика А. В. Петровского. По его словам, Э. Д. Днепров проявил себя как «выдающийся реформатор образования, инициатор и «главный конструктор» современной образовательной реформы в России, зачинатель общественного педагогического движения, которое ныне является движущей силой и основной социальной базой развития образования. Его реформаторская деятельность в образовании имеет поистине уникальный характер. Он выступает не только как ведущий российский политик в сфере образования, не только как «отец-основатель», организатор и стратег образовательной реформы, ее идеолог и теоретик, но и как первый ее исследователь, фундаментальные работы которого по широте, глубине, многогранности анализа не имеют аналога в современной образовательной литературе, равно как и в литературе, посвященной другим российским реформам». Фундаментальная образовательная реформа 1992 года, равно как и все прогрессивные начинания последнего двадцатилетия истории отечественного образования будут всегда неразрывно связаны с именем Э. Д. Днепровы – «самого крупного социального мыслителя и социального реформатора в российском образовании на рубеже прошлого и нынешнего столетий» [17, с. 253–254].

Список источников

1. Ананьев Б. Г. Избранные труды по психологии / под ред. Н. А. Логиновой. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. Т. 1 : Очерки психологии. История русской психологии. 412 с.
2. Асташова Н. А. Аксиологический потенциал наследия К. Д. Ушинского как условие подготовки современного учителя // Психолого-педагогический поиск. 2014. № 2(30). С. 107–117.
3. Бим-Бад Б. М. Педагогическая антропология : курс лекций. М. : Университет Российской академии образования, 2002. 208 с.
4. Бим-Бад Б. М. Педагогическая антропология : учеб. пособие. М. : Университет Российской академии образования, 1998. 576 с.
5. Великий русский педагог К. Д. Ушинский / отв. ред. А. М. Александров. Ростов н/Д : Росиздат, 1945. 68 с.
6. Гончаров Н. К. Педагогическая система К. Д. Ушинского. М. : Педагогика, 1974. 272 с.
7. Днепров Э. Д. Учебные книги К. Д. Ушинского – нравственная и педагогическая основа русской начальной школы // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии Университета Российской академии образования.

Вып. 5 : Педагогическая антропология и история образования. М. : Университет Российской академии образования, 2001. С. 95–159.

8. Днепров Э. Д. Ушинский и современность. М., 2007. 232 с.

9. К. Д. Ушинский и русская школа: беседы о великом педагоге / под общ. ред. Е. Белозерцева. М. : Роман-газета, 1994. 192 с.

10. Мазилов В. А. К. Д. Ушинский как создатель парадигмы практической психологии: непонятный проект // Образовательная панорама. 2014. № 1(1). С. 48–60.

11. Меньшиков В. М. Педагогическое наследие К. Д. Ушинского в контексте модернизации российского образования // Психолого-педагогический поиск. 2014. № 2(30). С. 97–103.

12. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / отв. ред. А. И. Пискунов. М. : Педагогика, 1976. 600 с.

13. Петровский А. В. Вопросы истории и теории психологии: избранные труды. М. : Педагогика, 1984. 272 с.

14. Романов А. А. Историк педагогики Б. М. Бим-Бад: 80 лет со дня рождения // Инновационные проекты и программы в образовании. 2021. № 6(78). С. 46–51.

15. Романов А. А. Научная и просветительская деятельность Б. М. Бим-Бада (к 75-летию со дня рождения) // Педагогика. 2016. № 10. С. 105–111.

16. Романов А. А. Памяти Эдуарда Дмитриевича Днепров // Психолого-педагогический поиск. 2015. № 1(33). С. 204–212.

17. Романов А. А. Педагогические подвижники в переломные эпохи XX века. Избранные научные статьи и очерки. Рязань : Концепция, 2017. 528 с.

18. Романов А. А. Педагогика в России: судьба быть запрещенной постановлением власти // Психолого-педагогический поиск. 2016. № 2(38). С. 82–96.

19. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. / сост. С. Ф. Егоров. М. : Педагогика, 1990. Т. 5. 526 с.

20. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. / сост. С. Ф. Егоров. М. : Педагогика, 1990. Т. 6. 527 с.

References

1. Ananyev, B. G. 2007, *Selected Works on Psychology*, N. A. Loginov (Ed.), vol. 1, Essays on psychology, *History of Russian Psychology*, St. Petersburg State University, St. Petersburg.

2. Astashova N. A. 2014, 'Axiological potential of K. D. Ushinsky's legacy as a condition for training a modern teacher', *Psychological and pedagogical search*, iss. 2(30), pp. 107–117.

3. Bim-Bad, B. M. 2002, *Pedagogical Anthropology: a course of lectures*, University of the Russian Academy of Education, Moscow.

4. Bim-Bad, B. M. 1998, *Pedagogical Anthropology: textbook*, University of the Russian Academy of Education, Moscow.

5. Alexandrov, A.M. (ed.) 1945, *The great Russian teacher K. D. Ushinsky*, Rosizdat, Rostov-on-Don.

6. Goncharov, N. K. 1974, *Pedagogical system of K. D. Ushinsky*, Pedagogy, Moscow.

7. Dneprov E. D. 2001, 'K. D. Ushinsky's educational books – the moral and pedagogical basis of the Russian primary school', in *Proceedings of the Department of Pedagogy, History of Education and Pedagogical Anthropology of the University of the Russian Academy of Education. Issue 5: Pedagogical Anthropology and the History of Education*, pp. 95–159, University of the Russian Academy of Education, Moscow.

8. Dneprov, E. D. 2007, *Ushinsky and Modernity*, Moscow.
9. Belozertsev, E. (ed.) 1994, K. D. Ushinsky and the Russian School: *Conversations about the Great*, Roman-Gazeta, Moscow.
10. Mazilov, V. A. 2014, 'K. D. Ushinsky as the creator of the paradigm of practical psychology: an incomprehensible project', *Educational Panorama*, iss. 1(1), pp. 48–60.
11. Menshikov, V. M. 2014, 'The pedagogical legacy of K. D. Ushinsky in the context of modernization of Russian education', *Psychological and Pedagogical search*, iss. 2(30), pp. 97–103.
12. Piskunov, A. I. (Ed.) 1976, *Essays on the history of the school and pedagogical thought of the peoples of the USSR, the second half of the XIX century*, Pedagogy, Moscow.
13. Petrovsky, A.V. 1984, *Questions of history and theory of psychology: selected works*, Pedagogy, Moscow.
14. Romanov, A. A. 2021, "Historian of pedagogy B. M. Bim-Bad: 80 years since birth", *Innovative projects and programs in education*, iss. 6(78), pp. 46–51.
15. Romanov, A. A. 2016, "Scientific and educational activities of B. M. Bimbad (to the 75th anniversary of his birth)", *Pedagogy*, iss. 10, pp. 105–111.
16. Romanov, A. A. 2015, "In Memory of Eduard Dmitrievich Dneprov", *Psychological and pedagogical search*, iss. 1(33), pp. 204–212.
17. Romanov, A. A. 2017, *Pedagogical ascetics in the critical epochs of the twentieth century, Selected scientific articles and essays*, Ryazan.
18. Romanov, A. A. 2016, "Pedology in Russia: the fate of the power prohibited by the decree", *Psychological and pedagogical search*, iss. 2(38), pp. 82–96.
19. Egorov, S. F. (com.) 1990, *Ushinsky K. D. Pedagogical Works*, in 6 vols, vol. 5, Pedagogy, Moscow.
20. Egorov, S. F. (com.) 1990, *Ushinsky K. D. Pedagogical works*, in 6 vols, vol. 6, Pedagogy, Moscow.

Информация об авторах

А. А. Романов – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики;

И. С. Ганишина – доктор психологических наук, доцент, начальник кафедры юридической психологии и педагогики.

Information about the authors

A. A. Romanov – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy;

I. S. Ganishina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 17.08.2023.

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication 17.08.2023.